

Глава 1

Приказ покинуть корабль прозвучал в пять часов вечера, хотя большинству участников экспедиции к этому времени и так уже было понятно, что судно не спасти. Никто не испытывал ни страха, ни тревоги. Они неустанно боролись в течение трех дней — и проиграли. Свое поражение люди приняли почти равнодушно. Слишком были измотаны, чтобы переживать.

Помощник командира Фрэнк Уайлд прошел по гнующейся палубе к кубрикам. На нижних койках лежали два моряка: Уолтер Хоу и Уильям Бэйквелл. Они порядком обессилели за три дня практически непрерывного откачивания воды, но все же не могли уснуть из-за звуков, которые продолжал издавать корабль.

Его сдавливало. Не резко, но постепенно и неумолимо. С каждой минутой масса десяти миллионов тонн льда все сильнее давила на его бока. Корабль умирал медленной и мучительной смертью. Он задыхался в агонии. Его рамы и обшивка, его огромные балки, многие почти по тридцать сантиметров толщиной, пронзительно трещали, когда убийственное давление усиливалось. Не выдерживая нагрузки, балки ломались со звуком артиллерийского огня. Большинство поперечных балок в передней части корабля сломались в течение этого дня. Палуба ритмично вздымалась и опускалась, каждый раз, когда давление нарастало и спадало.

Уайлд просунул голову в кубрик и тихо произнес: «Он тонет, ребята. Пора спасаться». Хоу и Бэйквелл поднялись с койок, взяли две наволочки, где хранили личные вещи, и вышли вслед за Уайлдом на палубу.

Затем Уайлд вошел в крошечное машинное отделение. Второй машинист Керр стоял у подножия лестницы и ждал. Рядом с ним был и Рикинсон, главный машинист. Почти семьдесят два часа подряд они поддерживали пар в котлах, обеспечивая работу помп в машинном отделении. Все это время они не видели, как движется лед, но знали и чувствовали, что он делает с кораблем. Хотя в некоторых местах стены судна были около метра толщиной, под давлением льда они прогибались внутрь на пятнадцать сантиметров. Вместе с ними со скрежетом сжимались и стальные плиты пола: они вздымались, а затем резко наезжали одна на другую с пронзительным металлическим визгом.

Уайлд сказал: «Бросьте это дело. Он тонет». На лице Керра промелькнуло облегчение.

Затем Уайлд свернулся в сторону кормовых двигателей. Там старый плотник Макниш и матрос Маклеод занимались починкой разорванных кусков покрытия водонепроницаемой крепи, построенной Макнишем вчера, когда лед пробил ахтерштевень* и судовой руль. Конструкция должна была остановить поток воды, заливающий корабль. Но сейчас вода поднялась почти до пола, и водонепроницаемая крепь уже не успевала сдерживать ее поток быстрее, чем откачивали помпы. Даже когда давление прекращалось, слышалось журчание воды, неумолимо заполняющей трюмы.

Уайлд подал Макнишу и Маклеоду сигнал оставить работу. Затем он поднялся на главную палубу.

Кларк, Хасси, Джеймс и Уорди уже сами бросили откачивать воду, осознав тщетность этого занятия. Теперь они молча сидели — кто на коробках, кто на самой палубе, облокотившись на фальшборт. На их лицах читалась бесконечная усталость: сказывались три дня непрерывного труда на помпах.

Неподалеку от них каюры** привязали большой кусок паруса к левому борту таким образом, что получился прямой спуск на лед рядом с кораблем. Они вывели из клетей сорок девять хаски и теперь по очереди спускали их вниз по этому склону. Там собак ждали другие участники экспедиции. Обычно при подобном приключении собаки сходили бы с ума от возбуждения, но сейчас они как будто чувствовали, что вокруг происходит что-то странное. Ни одна собака не сцепилась с другой, ни одна не попыталась убежать.

Возможно, хаски чувствовали отношение людей к происходящему: те работали быстро и четко, практически не разговаривая друг с другом, но при этом не выглядели встревоженными. И если не обращать внимания на движение льда и звуки, издаваемые кораблем, эту сцену можно было бы назвать относительно спокойной. Температура воздуха составляла минус восемь градусов***, дул легкий южный ветерок, на сумеречном небе не было видно ни облачка.

* Нижняя кормовая часть судна в виде жесткой балки или рамы сложной формы; служит опорой гребного вала и руля, защищает руль и гребной винт от ударов. *Прим. ред.*

** Погончики собачьих упряжек. *Прим. ред.*

*** Здесь и далее температура указывается в градусах по шкале Фаренгейта. Для справки: 0 °C — температура замерзания воды — равна 32° по шкале Фаренгейта; -10 °C = 14 °F, -20 °C = -4 °F, -30 °C = -22 °F. *Прим. ред.*

Часть I

Где-то вдалеке, намного южнее места вынужденной стоянки корабля, начиналась буря, которая медленно двигалась в его сторону. Даже спустя два дня она будет еще далеко от корабля. Но ее появление уже сейчас угадывалось по верному признаку: весь лед вокруг судна и на сотни километров к югу пришел в движение. Безграничная, невообразимо плотная масса льда. Поэтому, несмотря на то что буря была еще далеко, сила ее ветров уже сейчас сталкивала ледяные плиты друг с другом.

Лед двигался настолько хаотично, что все вокруг корабля выглядело, словно огромный пазл с бесконечным количеством элементов, которые постоянно сдвигали и переставляли какие-то непреодолимые невидимые силы. Несспешная последовательность этого движения лишь подчеркивала их колоссальную власть. Каждый раз происходило одно и то же. Встречаясь друг с другом, две толстые льдины какое-то время неторопливо удалялись друг о друга. Затем, если ни одна из них не начинала разрушаться, медленно вздымались, угрожающе сотрясаясь, движимые какой-то безжалостной рукой. Иногда они внезапно застывали на месте, как будто кто-то невидимый, управлявший льдом, вдруг терял интерес к происходящему. Но чаще всего льдины толщиной более трех метров продолжали неумолимо вздыматься, принимая форму крыш гигантских домов. Так продолжалось до тех пор, пока одна из них или обе сразу не ломались и не опрокидывались, оказывая мощное давление на соседние льдины.

Движение глыб сопровождалось особыми звуками: помимо постоянного воя и хрипа каждый раз, когда разваливалась очередная глыба льда, слышались тяжелые глухие удары. В довершение всего из-за колоссального давления льдины издавали просто-таки невероятные звуки, многие из которых казались немыслимыми в подобной ситуации. Иногда это был свист гигантского поезда со скрипучими стержнями, который с оглушительным грохотом переходил на другой путь. Одновременно с этим раздавались гудки огромного корабля, смешивающиеся с криками петухов, рокотом дальнего прибоя, плавной пульсацией моторов и отчаянными стенами старухи. В редкие минуты спокойствия, когда движение льда ненадолго прекращалось, слышался приглушенный бой барабанов.

Во всей этой ледяной вселенной самое мощное движение и самое сильное давление возникали там, где глыбы льда обрушивались на корабль. Хуже было просто некуда. Одна огромная льдина плотно защемила правый борт судна, вторая сплющивала его с той же стороны, но у кормы. Третья — с другой стороны давила на левый траверз. Таким образом, лед словно пытался сломать корабль пополам, ровно посередине. Временами корабль, словно в судорогах, выгибался вправо по всей длине.

В носовой части судна ощущался самый сильный натиск — лед фактически затапливал ее, наваливаясь все сильнее и сильнее, постепенно поднимаясь выше фальшборта. Затем с сокрушительным ударом он обрушился на палубу и еще ниже опустил переднюю часть корабля. В таком положении обреченное судно окончательно оказалось во власти льда, сжимавшего его со всех сторон.

На каждую новую волну давления корабль отзывался по-разному. Иногда он просто слегка содрогался, как человек, которого укололи. Иногда словно начинал биться в конвульсиях, издавая при этом звуки, похожие на неистовые страдальческие крики. При этом все три мачты отчаянно раскачивались, натягиваясь до предела, словно струны арфы. Но самыми мучительными для экипажа были моменты, когда задыхавшийся в агонии корабль напоминал огромное живое существо, которое отчаянно пыталось вдохнуть воздух, упорно сопротивляясь гибельному давлению.

Корабль стонал, словно гигантский зверь в предсмертной агонии, и его крики поражали и пугали всех, кто находился на нем.

К семи часам вечера все необходимое оборудование уже спустили на лед, и на ровной ледяной плите, недалеко от правого борта судна, разбили небольшой лагерь. Шлюпки спустили еще прошлой ночью. Высаживаясь на лед, каждый из членов экипажа чувствовал большое облегчение. Они уходили с обреченного на смерть корабля, и вряд ли кому-то хотелось добровольно на него вернуться.

К сожалению, некоторым невезучим все-таки пришлось это сделать, чтобы отыскать и принести кое-что. Одним из них был Александр Маклин, молодой коренастый физик, помимо прочего выполнивший обязанности каюра. Только что закончив привязывать своих собак у лагеря, он тут же получил приказ вернуться с Уайлдом на корабль, чтобы принести немного бревен с носовой части. Не успели они подойти к судну, как услышали громкий крик из лагеря. Льдина, на которой стояли палатки, начала ломаться. Уайлд и Маклин ринулись обратно. Экипаж не терял ни минуты. Мгновенно запрягли собак, а все палатки, сани, припасы и необходимое оборудование перенесли на другую льдину, на сто метров дальше от корабля.

К тому времени, когда завершились все работы, корабль уже находился на грани гибели и мог в любую минуту затонуть, поэтому Уайлд и Маклин как можно быстрее побежали к нему. Они пробрались по ледяным глыбам, завалившим переднюю часть судна, и сумели поднять крышку люка, который вел к носовому отсеку. Лестницу вырвало из основания, и она завалилась на бок. Поэтому им пришлось спускаться в темноту, крепко держась за руки.

Часть I

Шум, царивший внутри, сложно описать словами. Полупустое помещение, будто резонаторный ящик*, отражало и усиливало все звуки, будь то упавший болт или треск щепок, откалывающихся от бревен. Оттуда, где стояли эти двое, до борта было рукой подать, и они явственно слышали, как лед старается пробить себе дорогу внутрь.

Уайлд и Маклин терпеливо ждали, пока их глаза привыкнут к темноте. Но то, что они увидели, ужаснуло. Вертикальные подпорки были вогнуты внутрь, а перекрестные, прямо над их головами, с минуты на минуту могли треснуть. Казалось, будто корабль сжимают гигантскими тисками, медленно затягивая их до того предела, когда он больше не сможет сопротивляться давлению.

Бревна, за которыми они пришли, лежали в темных нишах под самым сводом корабля. Чтобы добраться до них, требовалось проползти через поперечную переборку. Но она прогнулась наружу настолько, что могла лопнуть в любой момент, и тогда весь носовой кубрик обрушился бы на их головы.

Маклин замер в нерешительности. Уайлд почувствовал страх, охвативший товарища, и, перекрикивая грохот, велел ему оставаться на месте. Затем он запрыгнул в отверстие за переборкой и через пару минут начал передавать оттуда бревна Маклину.

Они работали с лихорадочной скоростью, но это время обоим казалось вечностью. Маклин был уверен: они ни за что не успеют вытащить последнее бревно прежде, чем корабль разрушится. Но вот голова Уайлда снова показалась в отверстии. Они подняли все бревна на палубу, выбрались сами и постояли там какое-то время, упиваясь сладким чувством долгожданной безопасности. Позже Маклин сделал в своем личном дневнике такую запись: «Не думаю, что когда-либо я испытывал настолько ужасное, отвратительное чувство страха, как тогда, в трюме тонущего корабля».

Через час после того, как последний человек покинул корабль, лед проломил его стены. Острые ледяные копья втыкались в гибнущее судно, нанося ему страшные раны, через которые внутрь вваливались большие куски льда. Все от середины корабля до носа было затоплено. Весь правый борт сдавило с невероятной силой. Ледовый таран протолкнул часть пустых баков из-под бензина, сложенных на палубе, сквозь стену рубки. Двигаясь дальше, по пути к левому борту, эти баки сорвали со стены и понесли перед

* Открытая камера (или коробка) в корпусе струнного музыкального инструмента; служит для усиления звука, улучшения воспроизведения низких частот, придает инструменту определенный тембр звучания, который зависит от формы и размеров резонаторного ящика.
Прим. ред.

собой большую картину в раме, которая висела на стене рубки. Каким-то чудесным образом стекло, закрывавшее картину, не треснуло.

Позже, когда в лагере все успокоилось, несколько человек вернулись, чтобы посмотреть на брошенное судно. Но их было не много. Большинство остались в своих палатках, продрогшие и уставшие. На какое-то время их перестала волновать дальнейшая судьба. Лишь один человек не разделял всеобщего чувства облегчения, по крайней мере, не в полном смысле слова. Это был коренастый мужчина с широкими лицом и носом, говоривший с легким провинциальным ирландским акцентом. Почти все время, пока экипаж спускал с корабля оборудование, вещи и собак, он стоял в стороне.

Его звали сэр Эрнест Шеклтон, а двадцать семь человек, за которыми он наблюдал, бесславно покидавшие побежденный стихией корабль, были членами его Имперской трансантарктической экспедиции.

Это случилось 27 октября 1915 года. Корабль назывался «Эндьюранс»*. 69°5' южной широты, 51°30' западной долготы... Сердце ледяной пустыни антарктического моря Уэдделла, где-то посередине между Южным полюсом и ближайшим поселением, до которого — почти тысяча двести миль**.

Мало кому выпадало нести такую ответственность, которую сейчас вынужден был взвалить на свои плечи Шеклтон. Конечно, он осознавал безнадежность ситуации, но тогда не мог даже представить, какие тяжелые физические и моральные испытания им придется вынести, насколько суровые морозы вытерпеть, каким страданиям подвергнуться.

Они — во всех смыслах этого слова — остались одни посреди бескрайнего ледяного антарктического моря. Прошло уже около года с тех пор, как экипаж последний раз выходил на связь с цивилизованным миром. Никто, кроме них, не знал, что они потерпели крушение. Более того, никто даже не подозревал, где они сейчас находятся. У них не было радиопередатчика, с помощью которого они могли бы уведомить потенциальных спасателей о своей беде. Но даже отправь они сигнал SOS — вряд ли кто-нибудь пришел бы им на помощь. Шел 1915 год — еще не было ни вертолетов, ни вездеходов, ни снегоходов, ни подходящих для таких условий самолетов.

Положение экспедиции ужасало своей простотой: если спасаться, то только самим.

Шеклтон просчитал, что шельфовые льды Антарктического полуострова, ближайшей земли, находились в ста восьмидесяти двух милях на западо-юго-запад от них. Но до самой земли оставалось двести десять

* Endurance — выносливость (англ.). *Прим. пер.*

** Сухопутная миля равна 1,609 км, морская — 1,853 км. *Прим. ред.*

Часть I

миль, и она была пустынна — ни людей, ни животных. Это лишало надежды на облегчение участия и спасение.

Ближайшим известным местом, в котором они могли хотя бы найти еду и приют, был крошечный островок Паулет, не больше двух километров в диаметре, до которого надо было добираться триста сорок шесть миль по вздымющемуся льду. Там двенадцать лет назад, в 1903 году, команда шведского корабля «Антарктика» провела зиму, после того как их судно застряло во льдах моря Уэдделла. Его удалось спасти, и тогда же экипаж корабля, пришедшего на помощь «Антарктике», оставил припасы на острове Паулет на тот случай, если кто-нибудь когда-нибудь еще раз потерпит здесь кораблекрушение. По иронии судьбы, именно Шеклтону было поручено закупить эти припасы. И вот сейчас, двенадцать лет спустя, они оказались жизненно необходимы ему самому.